

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

PHILOLOGY

LITERARY STUDIES

УДК 821.161.3

Е. И. Белая, доктор филологических наук, доцент
Учреждение образования «Барановичский государственный университет», ул. Войкова, 21,
225404 Барановичи, Республика Беларусь, alba.57@mail.ru

«БАРАНОВИЧСКИЙ ТЕКСТ»: НАХОДКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлены результаты анализа произведений, написанных в разные периоды представителями разных литератур и имеющих, по мнению автора, определённую значимость для создания «барановичского текста», так как в них воссозданы объекты ландшафта отдельных городов, воплощающие элементы универсальной художественной модели городского бытия. Одним из них является железнодорожная магистраль — топос, который порождает многие философские смыслы. Приводятся теоретические положения и выводы, которые могут послужить отправными точками формирования «барановичского текста». Высказано предположение о причине несоответствия цивилизационного потенциала города и его проекций в литературном творчестве. Помимо фрагментов, описывающих объекты городской топики Баранович, интерпретируются иные городские тексты, имманентные решению поставленных задач. Термин «барановичский текст» пока не является общеупотребительным, поскольку систематизация художественных текстов/фрагментов о городе Барановичи в их семантической и семиотической связи представляется длительным процессом, требующим обращения к значительному объёму произведений. Материалом данного исследования выступили произведения А. Толстого, Ш.-Алейхема, С. Песецкого, В. Шкловского, В. Бутрима.

Ключевые слова: городской текст; объекты городской топики; индустриальный пейзаж; водная стихия; топос магистрали; железнодорожные образы.

Библиогр.: 15 назв.

E. I. Belaya, Doctor of Philology, Associate Professor
Institution of Education “Baranavichy State University”, 21 Voykova Str.,
225404 Baranavichy, the Republic of Belarus, alba.57@mail.ru

“BARANOVICHI TEXT”: FINDINGS AND PERSPECTIVES

The article presents the results of the works analysis written in different periods by the representatives of different literatures and that all these elements, in the author’s opinion, have a certain significance for the creation of the “Baranovichi text”, since they recreate the landscape objects of individual cities, embodying elements of a universal artistic model of urban existence. One of them is the railway line — a topos that gives rise to many philosophical meanings. Theoretical provisions and conclusions are given that can serve as the starting points for the “Baranovichi text” formation. An assumption has been made about the reason for the discrepancy between the civilizational potential of the city and its projections in literary works. In addition to fragments describing the objects of the urban topic of Baranovichi, other urban texts are interpreted, immanent in solving the assigned problems. The term “Baranovichi text” is not yet in common use, since the literary texts/fragments systematization about the city of Baranovichi in their semantic and semiotic connection seems to be a long process that requires reference to a significant volume of works. The works by A. Tolstoy, Sh.-Aleichem, S. Pesetsky, V. Shklovsky, V. Butrim have become the study material.

Key words: urban text; urban topic objects; industrial landscape; water element; highway topos; railroad images.
Ref.: 15 titles.

Введение. Принято считать, что городской текст — это комплекс образов (концептов), мотивов, сюжетов, который воплощает авторскую модель городского бытия — как в общих, так и в частных его проявлениях. Вместе с тем понятие «городской текст», несмотря на кажущуюся привычность, до сих пор не получило должной системной разработки. К сожалению, «барановичский текст» нет возможности рассмотреть на достаточно большом объеме художественных произведений, тем более системно связанных принадлежностью к тому или иному поэтическому направлению либо к одной литературной эпохе, как, к примеру, текст «петербургский».

Методология и методы исследования. Эмпирическим материалом для исследования выступили художественные произведения, в которых воссозданы объекты городского ландшафта, в том числе барановичского. В процессе исследования использованы элементы культурно-исторического, биографического, сравнительно-типологического, интертекстуального методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Понятие «город» в широком смысле — это способ окультуривания и структурирования масштабного пространства, введение человеческого измерения в природный мир. Город как феномен имеет особые свойства, характерные структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания. В итоге он становится культурной семиосферой, на которую накладывается сетка символическо-мифологических представлений, что делает город не только средоточием цивилизации и культуры, но подчас и неким сакральным топосом [1].

Ю. М. Лотман в статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» говорит о городах концентрического и эксцентрического типа: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца — это “вечный город”».

Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза “земля/небо”, а оппозиция “естественное/искусственное”. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря» [2].

Возможно, руководствуясь данной типологией, исследователи следующих поколений расставят необходимые акценты и в «барановичском тексте». На первый взгляд ни к одному из вышеуказанных типов город Барановичи не относится. В «барановичский миф» могли бы органично вплестись воспоминания/легенды об императоре Николае II. В Первую мировую войну ставка Верховного Главнокомандующего российской армии размещалась в Барановичах с сентября 1914 до 8 августа 1915 года. Николай II стал Главнокомандующим с сентября 1915 года и за все время нахождения ставки в Барановичах был здесь десять раз. Локусы, связанные с пребыванием российского императора, вполне смогли бы восприниматься как мифологический эпицентр нашего города. К сожалению, последние материальные объекты этого плана по объективным причинам утрачены безвозвратно. Исключение составляют немногочисленные вековые сосны, бывшие свидетелями тех давних событий.

Можно констатировать, что город как порождение железной дороги создан вопреки природе и в этом смысле является некоторый результат победы разума над первородными стихиями. Железнодорожная магистраль часто выступает доминантой, определяющей мотивы

и сюжеты, относящиеся к городской топике. Этот топос порождает многие философские смыслы. В железнодорожных образах воплощается представление о дороге как о границе между прошлым и будущим, а также как о символе неукорененности человека в пространстве. С топосом магистрали связан и мотив перемещения в многообразии его видов: географического, топографического, временного, ментального. При этом, по мнению Ю. М. Лотмана, понятия «путь» и «дорога» неравнозначны. Если дорога имеет конечную цель, то путь безграничен в оба конца — как к восхождению, так и к падению. «“Дорога” — некоторый тип художественного пространства, “путь” — движение литературного персонажа в этом пространстве. “Путь” есть реализация (полная или неполная) или не-реализация “дороги”» [3].

Толчком к началу пути принято считать конфликт, нужду, отсутствие цельности. Поэтому передвижение литературного персонажа в поезде оценивается как его стремление к более гармоничному бытию. Однако экзистенциальные цели перемещения достигаются не всегда, а попытка смены внешних обстоятельств не способствует достижению цельности. Но, с другой стороны, поезд — один из символов освобождения от банальной обыденности, символ прогресса, чего нельзя сказать об иных средствах передвижения.

Барановичи — город двух вокзалов. В символическо-метафорическом плане вокзал интерпретируется как место размывания культурных, этнических, духовных границ, циркуляции разнообразных, ничем не похожих и ничем не обязанных друг другу людей, место встреч и расставаний, выбора пути, изменений в судьбе. В образе вокзала реализуется мотив перекрестка путей человеческих жизней и судеб. Вместе с тем железная дорога в искусстве становится символом духовной трансформации не только отдельного человека, попавшего в конкретное железнодорожное пространство, но и всего человечества, живущего в техногенной цивилизации [4]. Вокзал — наиболее часто упоминаемый в художественных дискурсах объект нашего города.

Даже индустриальный пейзаж подлежит образному описанию, как утверждает мастер метафоры, автор романа “Зоо” В. Шкловский. «Если описывать Гамбург, то можно сказать что-то о чайках над каналами, о магазинах, о домах, наклонившихся над каналами, о всем, что принято рисовать» [5, с. 63]. В том числе о гамбургском порте, шлюзы которого раздвигаются едва ли не с театральным эффектом, как занавес, открывая взору «громдное водяное поле, кланяющиеся подъемные краны, черные черпаки, набирающие из пароходов в рот уголь. Челюсти у них откидываются, как у крокодилов. Высокие, вышиной в выстрел из нагана, решетчатые подъемники...» [5, с. 63].

Описать Дрезден, по мнению В. Шкловского, гораздо труднее, но выход есть, и им часто пользуются в новой русской литературе. Надо взять какую-то одну деталь города, например, то, что «автомобили в нем чистенькие и обиты внутри серой материей в полоску». А дальше всё просто, иронизирует писатель: «Нужно уверять, что Дрезден весь серенький в полоску, и Эльба — полоска на сереньком, и дома серенькие, и Сикстинская Мадонна серенькая в полоску. Вряд ли это будет правильно, но зато убедительно...» [5, с. 64].

Что касается Берлина, то, отмечает В. Шкловский, «его не ухватишь». В городе много трамваев, но ездить на них незачем, так как город везде одинаков: дома одинаковые, как чемоданы; кирпичи, различаемые только по улицам, на которых находятся, «дворцы из магазина готовых дворцов», «памятники как сервизы» [5, с. 65]. Деталь, которую писатель делает художественной доминантой, — выскакивающий из-под земли поезд метро и, естественно, пути, которые идут по земле, по высоким железным помостам, пересекая их и проходя по помостам ещё более высоким. «Тысячи огней, фонарей, стрелок... семафоры, кругом семафоры», мостики над путями, которые перекрещиваются, «как нити шали, проводимой через кольцо. Это кольцо — Берлин» [5, с. 66]. Возвращаясь от любимой, герой В. Шкловского идёт дорогой под двенадцатью железными мостами.

Природа железной дороги качественно иная, чем, к примеру, морская стихия, так как это результат деятельности человека, новая железная стихия, основанная отчасти на созидании,

а отчасти на жертве. Отличительная особенность города Барановичи заключается в том, что он практически лишён естественных водных пространств. А по мнению Ролана Барта, такие города сопротивляются сигнификации (означиванию), что, конечно же, не может не усиливать ощущения неукорененности. «Хорошо известно, что особенно сильно сопротивляются сигнификации — в связи с чем их обитателям часто бывает особенно сложно к ним адаптироваться, — те города, где нет водных пространств, города без морского берега, озера, реки, ручья; во всех таких городах очень трудно жить, они не поддаются прочтению» [6].

Может, это и есть одна из определяющих причин того, что город Барановичи, по большому счету, не творческий локус? Во всяком случае, его существенный цивилизационный потенциал не преобразуется в равноценный по значимости потенциал генератора текстов. Вспомним, что В. Короткевич и в романе «Колосья под серпом твоим», и в других произведениях называет Днепр великой Рекой, утверждает, что великая Река чрезвычайно влияет как на экономику и пейзаж, так и на психику человека. А самого писателя Днепр вдохновлял на творчество, был, по сути, одним из героев романа «Колосья под серпом твоим», символом родного края, *«той артерией, что питает родную землю и даёт ей силы»* [7, с. 291].

О своем повышенном, хоть и абстрактном интересе к водной стихии говорил И. Бродский. Как утверждал поэт, интерес этот никоим образом не связан ни с фрейдистским, ни с иным подобным дискурсом. По словам И. Бродского, вода *«позволяет нам смотреть вперёд, и очень далеко. Она набегаёт на берег и немедленно возвращается... к горизонту, назад. <...> Прежде всего привлекает этот её аспект бесконечности в чистом виде, который нигде в природе иначе не дан»*. Потому что всякая бесконечность, имеющая место в ландшафте, к примеру, горы, все же вычисляется в метрах либо километрах и известно, где кончается. Вода же *«нигде не кончается»* [8, с. 45]. И. Бродский уверен, что гений, который в Италии ушел в XV—XVI века в архитектуру, а в наше время естественным образом воплотился в дизайне, *«связан все-таки с морем, с близостью воды на полуострове, омываемом ею с трех сторон»* [8, с. 47].

Как справедливо утверждают исследователи художественной топонимики, в литературе через описание «железнодорожного путешествия с чередующимися движением и остановками, неожиданными для путника поворотами, сменой попутчиков происходит осмысление жизненного пути человека или даже всего человечества» [4]. Одна из интересных страниц «барановичского текста» связана с именем классика еврейской литературы Шолом-Алейхема. В цикле его «Железнодорожных рассказов» (1902—1911) есть произведение с названием «Станция Барановичи», датированное 1909-м годом. Герой рассказа, пассажир поезда, рассказывает попутчикам увлекательную историю. Поезд подъезжает к станции Барановичи.

«— Люди, да мы стоим! Где мы?»

— Станция Барановичи... Станция Барановичи... — прокричал, пробегая под окнами вагона, кондуктор. Услышав название станции, рассказчик сорвался с места, схватил свой узел, какой-то мешок, набитый бог весть чем, и, натужась изо всех сил, поволок его к двери. Мгновенье — и он, весь взмокийший, уже стоял на платформе, толкался среди людей и, заглядывая каждому в лицо, переспрашивал:

— Это Барановичи?

— Барановичи. <...>

Многие... кинулись за ним следом и ухватили его за полы:

— Послушайте, нельзя же так! Мы не отпустим вас! Вы должны досказать, чем все кончилось... Конец истории!..

— Какой конец? Это только начало. Но оставьте меня в покое! Хотите, чтобы я из-за вас пропустил поезд? Странные люди! Слышите ведь: Барановичи! Станция Барановичи!

Не успели мы оглянуться, как его и след простыл. Чтоб ей сгореть, этой станции Барановичи!» [9].

Написанию рассказа предшествовали события, о которых рассказал в 1941 году фольклорист Лев Аба [10]. Летом 1908 года Шолом-Алейхем вернулся из Америки и решил совершить турне по городам и местечкам России для публичного чтения своих произведений. В конце июня 1908 года писатель прибыл в Барановичи, но внезапно заболел и около двух месяцев был прикован к постели. Местные врачи принимали все необходимые меры, чтоб облегчить состояние больного. Волновались горожане, а многие пассажиры проездом задерживались в Барановичах, чтобы узнать о самочувствии Шолом-Алейхема... Примерно через год после этих злоключений и появился рассказ «Станция Барановичи». Возможно, причиной проклятия, которое прозвучало в адрес ни в чем не повинной станции, мог послужить приступ болезни, едва не погубивший писателя.

Автобиографический роман польского писателя, уроженца местечка Ляховичи Сергея Пясецкого «Жизнь разоружённого человека» (*“Żywot człowieka rozbrojonego”*) был создан им в условиях тюремного заключения и предполагался к опубликованию в 1939-м, сразу после освобождения автора. Но увидел свет только в 1957 году. Действие романа развёртывается на фоне роскоши и нищеты межвоенных Вильнюса, Лиды, Барановичей. Каким же увидел писатель польский город Барановичи в 20-е годы XX века? *«В Барановичи я приехал вечером. Взял бричку и велел ехать в гостиницу». Извозчик предложил одну из лучших — «Новороссийскую». Но «эта хорошая гостиница была никчемной. Впрочем, в Барановичах лучших не было. <...> Наутро пошёл осмотреть город, который произвёл на меня грустное впечатление. Я надеялся, что увижу в нём что-нибудь интересное, но не увидел. На глаза мне не попалось ни одно хорошее здание. Маленькие одноэтажные домики, преимущественно деревянные, неизменно серые, унылые, среди утонувших в грязи улиц, из которых только две были вымощены брусчаткой. Тротуары были из досок и кое-где из кирпича. Всюду была грязь, а по ней бродили козы, весьма довольные таким положением вещей. Центр города — большая рыночная площадь — была огромной лужей, в которой отражались, как в зеркале, дома, стоящие вдоль рынка» [11, с. 172].*

Город в эстетической реальности выступает как сложный смыслообразующий фактор. По отношению к литературному персонажу он может быть нейтральным, дружественным либо враждебным. В романе «Жизнь разоружённого человека» Барановичи являются местом, где герой пережил негативный моральный опыт. Перед отъездом он думает так: *«...город стал мне ещё более отвратителен. На него падала тень подлого поступка бывшего приятеля» [11, с. 177].*

В произведениях именитых авторов нам удалось обнаружить весьма немногочисленные фрагменты «барановичского текста». Вот впечатления А. Н. Толстого, проезжавшего через польский город Барановичи в марте 1932 года по пути следования в Италию. Отсюда и явная идеологическая окраска повествования. *«До Берлина впечатления от Польши, — из окна вагона. ...Снега, деревни, Барановичи и Волковишки. Какие были, скажем, лет двадцать тому назад эти местечки и городки, с деревянными домишками, заборами, грязными улицами, с несо-размерно большим количеством костелов на видных местах, — какие были серые, истрепанные непогодой, убогие деревни в сугробах, такими стоят и сейчас. Любопытно невероятно: скачок во времени, анахронизм... Вот оно — довоенное Царство польское — живьем! Прогрели великие годы, а тут все стоит, как стояло... <...> Не знаю, — может быть, это все так только кажется из окна вагона» [12]. А. Н. Толстой добавляет: хоть бы на разводку одну антенну протянуть от мужицкой крыши к башне костела! И вскоре она появится.*

В 2011 году в печати вышла книга автобиографической прозы барановичского автора Венанция Бутрима «Молчаливые грустные птицы» («Маўклівыя сумныя птушкі»). В рассказе «Хата» (2002) есть зарисовка одного из объектов городского пейзажа — каменного здания радиостанции, с явными признаками европейского архитектурного модерна 30-х годов XX века. А с 19 сентября 1939 года объект стал интересен ещё и тем, что служил, по выражению писателя, «чисто милитарному»: шифровки, пеленги самолётам, — и сталинским

соколам, и штурманам Люфтваффе. Во время немецкой оккупации объект усиленно охранялся. Это здание, отмечал автор, и сейчас, в начале XXI века, не требует капитального ремонта. Зато в городе бесследно исчез памятник «Неизвестному солдату бесконечных войн», на то время второй такой в Европе, — стилизованный бетонный орёл на бетонном цоколе. В сентябре 1939-го он был «дипломатично-стыдливо» прикрыт фанерными щитами (ведь орёл — символ буржуазной, враждебной державы), а потом и вовсе исчез и с земли, и из людской памяти.

Проза В. Бутрима даёт возможность проследить, как «барановичский текст» межвоенного и военного времён превращается в палимпсест. Вот некоторые его фрагменты. На неизменном постаменте сменяются фигуры вождей пролетариата, а три надёжно вымощенные брусчаткой улицы старых Баранович обретут после освобождения новые имена — Советская, Ленинская и Комсомольская. Постепенно всё в городе «*примет стабильные формы логических десятилетий развитого социализма и успешного построения светлого будущего — коммунизма...*» [13, с. 65].

При исторически благоприятных обстоятельствах в XX и XXI веках город обрёл возможность объективно выйти из тени, но пока не стал субъектом высокохудожественного литературного дискурса. Приведём один из текстов в жанре травелога, характеризующийся большой долей истины. «*Представляю, как жил город в советские времена! Когда все работало на полную мощь. Каким был центром притяжения для рабочей молодежи. Сегодня Барановичи тоже город, в который съезжаются жители не только близлежащих деревень, но и городов поменьше, в поисках лучшей доли. Но вот путешественников Барановичи, как самостоятельный туристический объект, привлекают не особо. А проездом в этом городе оказаться очень даже возможно. <...> Нет, Барановичи не сражают своей уютной красотой, как Брест. Не захватывают дух современным европейским видом, как Гродно. Это спокойный, как большинство белорусских городов, чистый и опрятный город». И, самое существенное, — «*по внутренним ощущениям, есть у города нереализованный потенциал*» [14], который, заметим, в последние годы эффективно актуализируется.*

Интересная параллель обнаружилась в процессе работы над данной статьёй. В одной из «Сатир» Горация, повествующей о путешествии в Брундизий (современное название — Бриндизи), есть такие строки: «*Двадцать четыре потом мы проехали мили — в повозке, / Чтобы прибыть в городок, которого даже и имя / В стих не вместишь; / Но узнают его по приметам...*». В комментариях к тексту «Сатир» говорится, что имя городка, которое невозможно вместить в стих, в точности не выяснено. Это или Equus tuticus в южном Самниуме, или же Ausculum — апулийский город на восток от Беневента [15]. Не по той ли причине город Барановичи с именем, также не вмещающимся в стих, не избалован вниманием великих поэтов?

Заключение. Город трактуется не только как эмпирический объект или комплекс инженерных сооружений, но и как особая культурная форма, которая складывалась исторически. В рамках полноценного «барановичского текста» она пока не обрела достойного обрамления. Мы обратились в основном к произведениям автобиографической прозы, в которых качества городского текста обусловлены либо негативными моральными переживаниями субъекта повествования, либо идеологическими установками определённой эпохи. Приходится констатировать, что цивилизационный потенциал города, с его железнодорожными путями, вокзалами, поездами, мостами-путепроводами, не преобразован в равноценный по значимости потенциал генератора текстов. Теоретические источники и художественные прецеденты позволили выделить объективные причины сложившейся ситуации, в частности отсутствие естественных водных пространств, затрудняющее эстетическое прочтение города, и специфику топонима, сопротивляющегося законам стихосложения. Вместе с тем считаем, что исследование образов, мотивов, сюжетов, комплексно воплощающих художественную модель бытия нашего города, является актуальным и перспективным научным направлением.

Список цитируемых источников

1. *Бараханова, Н. В.* Культурологические координаты понятия «городской текст» [Электронный ресурс] / Н. В. Бараханова. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-koordinaty-ponyatiya-gorodskoy-tekst/viewer>. — Дата доступа: 07.05.2023.
2. *Шмидт, Н. В.* «Городской текст» в поэзии русского модернизма [Электронный ресурс] / Н. В. Шмидт. — Режим доступа: <https://www.disserscat.com/content/gorodskoi-tekst-v-poezii-russkogo-modernizma>. — Дата доступа: 18.08.2022.
3. *Лотман, Ю. М.* Художественное пространство Гоголя [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. — Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm>. — Дата доступа: 07.05.2023.
4. *Мальцева, Е. А.* Символика и смыслы образа железной дороги в художественной культуре России: концепты «путь», «дорога» [Электронный ресурс] / Е. А. Мальцева. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp>. — Дата доступа: 23.09.2022.
5. *Шкловский, В.* Зоо: избранные произведения / В. Шкловский. — СПб. : Лениздат, Команда А, 2013. — 192 с.
6. *Рубинс, М.* Русский Монпарнас: Парижская проза 1920-х—1930-х годов в контексте транснационального модернизма / М. Рубинс ; пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — 328 с.
7. *Верабей, А.* Блізкае і дарагое: выбраныя артыкулы пра Уладзіміра Караткевіча / А. Верабей. — Мінск : Беларус. навука, 2020. — 309 с.
8. *Якович, Е.* Прогулки с Бродским и так далее. Иосиф Бродский в фильме Алексея Шишова и Елены Якович / Е. Якович. — М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2017. — 256 с.
9. *Шолом-Алейхем.* Станция Барановичи [Электронный ресурс] / Шолом-Алейхем. — Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sholomalejhem/text_1941_stantziya_baranovichi.shtml. — Дата доступа: 11.12.2021.
10. *Аба, Л.* Станция Барановичи [Электронный ресурс] / Л. Аба. — Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sholomalejhem/text_1941_stantziya_baranovichi.shtml. — Дата доступа: 07.11.2022.
11. *Пясецкі, С.* Жыццё раззброенага чалавека : раман / С. Пясецкі ; пер. з пол. Р. Равякі // АРСНЕ. — 2014. — № 5. — С. 3—243.
12. *Толстой, А. Н.* Путешествие в другой мир [Электронный ресурс] / А. Н. Толстой. — Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/68468>. — Дата доступа: 07.12.2021.
13. *Бутрым, В.* Маўклівыя сумныя птушкі: эсэ, апавяданні, аповесці / В. Бутрым. — Смоленск : Смоленск-Пресс, 2011. — 354 с.
14. Барановичи — белорусский райцентр, достойный внимания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://irecommend.ru/content/moi-gorod>. — Дата доступа: 07.11.2022.
15. *Квинт Гораций Флакк.* Сатиры [Электронный ресурс] / Квинт Гораций Флакк. — Режим доступа: http://www.lib.ru/POEEAST/GORACIJ/hor1_4.txt. — Дата доступа: 07.12.2021.

Поступила в редакцию 30.06.2023.